

УДК 821.112.2

DOI 10.5281/zenodo.14559834

Мельникова Л.А.

Мельникова Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Россия, 412300, Саратовская область, г. Балашов, ул. К. Маркса, д. 29. E-mail: lmelnikova5@mail.ru.

Проблематика и образная система рассказа А. Зегерс «Явка»

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблематики и образного строя рассказа А. Зегерс «Явка». Посредством методов целостного и структурного анализа установлено, что в данном произведении основное внимание автора сосредоточено на проблемах антифашистской борьбы, философского осмысления нравственного раскаяния. В основе образной системы лежит оппозиция «верность идее» - «измена». Образы центральных героев произведения сопоставляются по принципу антитезы. Положительный идеал автора связан с образом Клауса Раутенберга, сохранившего на протяжении всей своей жизни верность данным обещаниям. На примере же Эрвина Вагнера А. Зегерс показывает, как порой кажущиеся незначительными решения могут стать роковыми в жизни человека, способного на глубокую и всестороннюю саморефлексию и чувствующего ответственность за судьбу своей страны.

Ключевые слова: А. Зегерс, антифашизм, война, борьба, идея, раскаяние, совесть.

Melnikova L.A.

Melnikova Lyubov Alexandrovna, candidate of Philology, PhD, Balashov Institute of the Saratov State University, Russia, 412300, Saratov region, Balashov, 29 K. Marx Street. E-mail: lmelnikova5@mail.ru.

The problematic and imaginative system of A. Zeghers' short story "Turnout"

Abstract. The article is devoted to the study of the problematic and figurative structure of A. Zeghers' story "Turnout". Through the methods of holistic and structural analysis, it is established that in this work the author's main attention is focused on the problems of the anti-fascist struggle, philosophical understanding of moral repentance. The basis of the figurative system is the opposition of "loyalty to the idea" - "treason". The images of the central characters of the work are compared according to the principle of antithesis. The positive ideal of the author is associated with the image of Klaus Rautenberg, who remained faithful to his promises throughout his life. Using the example of Erwin Wagner, A. Zeghers shows how sometimes seemingly insignificant decisions can become fatal in the life of a person capable of deep and comprehensive self-reflection and feeling responsible for the fate of his country.

Key words: A. Zeghers, antifascism, war, struggle, idea, repentance, conscience.

Творчество немецкой писательницы А. Зегерс (Anna Seghers, наст. имя и фамилия Netty Radvanyi, урожд. Reiling, 1900–1983) в отечественном литературоведении неоднократно становилось объектом внимания целого ряда исследователей. Среди них - А. Г. Барова [1], Ю.В. Красовицкая [3], Н.С. Леонова [4], Л.А. Мельникова [5], Т.Л. Мотылева [6], А. Русакова [7] и другие.

Анализируемый в настоящей статье рассказ А. Зегерс «Явка» (“Der Treffpunkt”) входит в состав цикла «Странные встречи» (“Sonderbare Begegnungen”, 1973). Данному произведению присущ ярко выраженный антифашистский пафос. В этом присутствуют мотивы и образы, являющиеся типичными для поэтики многих произведений А. Зегерс, такие, как, например, образ фанатично преданного идее борца-антифашиста, образ поезда, мотив раскаяния и т.д.

Писательница посредством репрезентации образов центральных персонажей рассказа Клауса Раутенберга и Эрвина Вагнера утверждает идею справедливой целенаправленной борьбы с активно распространяющейся в Германии эпидемией «коричневой чумы». Ее герои, будучи фанатично преданными своему делу, печатая в типографии листовки, разоблачающие идеологию нацизма и величие Гитлера, «никогда не соразмеряли результатов своих действий с опасностью, которой себя подвергали, так как их предостережения звучали как легкие удары молоточком в громовых раскатах речей Гитлера и Муссолини, в заводском шуме, наполнившим всю Германию» [2]. Листовки, которые распространяют Эрвин и Клаус, содержат пророческие предупреждения о том, что все предпринимаемые Гитлером действия являются ни чем иным, как подготовкой к войне. Несмотря на те сложности, с которыми сталкиваются персонажи в ходе своей подпольной деятельности, они продолжают сохранять уверенность в том, что сделали верный выбор. Так, скрываясь от возможного преследования, Эрвин убеждает

себя в том, что чтобы не случилось, все, что он делает является правильным. Однако в какой-то момент напряжение, испытываемое Эрвином, его страх быть пойманным и арестованным заставляют его отказаться от явки в собор в Наумбурге для встречи там с Клаусом.

Обладающий большим опытом, глубоким знанием жизни и проницательностью руководитель подпольной группы Хеммерлинг сразу понимает странность подобного поведения Эрвина. Он также определяет цели и характер проводимой его группой пропагандистской деятельности. По его мнению, работа может быть эффективной только в том случае, если она последовательно ведется в разных населенных пунктах и среди представителей различных социальных групп.

Образ Эрвина в рассказе раскрывается разнопланово. Помимо отдельных деталей-штрихов (таких, как, например, хромота), фиксируемых повествователем, значительную роль также играют речевые характеристики данного персонажа, а также оценочные точки зрения других героев. Примечательна в этом отношении позиция его девушки Лоры, которая в ответ на недоумевающие рассуждения квартирной хозяйки по поводу отношений девушки с невзрачным, прихрамывающим Эрвином, замечает, что у ее друга голова, как у Геббельса.

При этом А. Зегерс важно проследить личностную эволюцию своих героев, поэтому Эрвина она изображает не только в ходе проводимой им подпольной борьбы, но и в развитии любовных отношений. Описывая причины симпатии к нему Лоры, писательница использует прием контраста, показывая, как физический недостаток Эрвина компенсируется в глазах девушки его глубокой внутренней силой и энергией: «Лора была влюблена в Эрвина <...> потому что Эрвин не знал страха и потому что он умными словами и своей непреклонной уверенностью неизменно поддерживал колеблющихся, а упавших духом заставлял поверить вновь. Для Лоры мужество и ум Эрвина

заслоняли его небольшой недостаток» [2].

Однако постепенно Эрвин начинает терять свою былую уверенность. Болезненное осознание этим героем чувства собственной вины заставляют его оправдывать собственную трусость рассуждениями о проявленных им осторожности и предусмотрительности. Страх быть разоблаченным своими единомышленниками, к числу которых принадлежит и Лора, заставляют его относиться к ним с недоверием. Вследствие этого разговоры с любимой девушкой становятся менее искренними, а отношения менее теплыми: «недоверие, сомнение, опутавшее их, как паутина отбило у них всякое желание разговаривать, не говоря уже о любви» [2]. В результате, тревога, мучающая Эрвина, разрушает не только его агентурную работу, но и отношения с любимой девушкой.

Гонимый страхом преследования Эрвин уезжает в Луккау, устраивается в картонажную мастерскую господина Шульце. Со временем он оказывается во главе типографии, из которой по стране начинают разлетаться сотни свастик. Этот поворот в судьбе героя указывает на то, что в системе его политических взглядов начинают происходить внешние изменения.

Спустя некоторое время он женится на Эльфриде, дочери Шульце, находя для себя при этом довольно странное объяснение данного поступка, полагая, что у него, как у преследуемого, попросту не оставалось другого выбора. Это решение наглядно демонстрирует утрату данным героем своего внутреннего стержня. Его ставшее привычкой стремление оправдывать свои поступки внешними обстоятельствами получает ироническую оценку со стороны нарратора, который, комментируя женитьбу Эрвина, замечает: «Даже договор между гитлеровской Германией и Советским Союзом, казалось ему, косвенно оправдывал этот шаг» [2].

Это событие становится рубежным в жизни Эрвина. Оно становится отправной

точкой для начала процесса его медленного, но верного превращения из активного и мужественного борца-антифашиста в вялого и безвольного конформиста, который слабости своего характера объясняет желанием следовать веяниям времени. Его супруга Эльфрида становится активным членом национал-социалистической партии, а тесть привлекает Эрвина к сожжению хранившейся в их семье социал-демократической литературы.

Внешнему и внутреннему безволию героя вторит и окружающая его обстановка. Характеризуя общественные настроения в Луккау, Эрвин констатирует: «Здесь мысли людей были такие же чахлые, как всходы на окрестных полях» [2]. Персонажа не перестают мучать угрызения совести за резкий обрыв связей с Лорой, Хеммерлингом и Клаусом и внезапный побег из Гиссена, который он в своем сознании приравнивает к предательству.

Герой трепетно следит за динамикой продвижения гитлеровской армии по территории Советского Союза, пряча под маской безразличия глубокое огорчение из-за успехов фашистской военной машины на полях сражений. При этом в рассказе описание переживаний Эрвина из-за хода военных действий чередуется с описанием реакции жителей Луккау, одинаково вяло воспринимающих как победы, так и поражения армии Гитлера. Объяснение подобному поведению дается в произведении посредством выразительной художественной детали, представленной в тексте в виде замечания повествователя: «Эрвин давно уже не был в Луккау единственным, кто волочил ногу» [с. 986]. Приведенную цитату можно рассматривать в качестве намека на то, что физические увечья, полученные жителями города в результате войны, самым непосредственным образом отразились на душевном состоянии и настроении искалеченных солдат и мирных жителей.

В воссоздаваемом повествователем психологическом портрете Эрвина в дан-

ный период его жизни акцентируется внутренняя противоречивость, раздвоенность сознания этого персонажа: «Его серая, преждевременно дряблая кожа скрывала теперь второго Эрвина, и когда наружный Эрвин кричал вместе со всеми “хайль”, тот, что был спрятан внутри, не издавал ни звука, когда наружный, казалось, скорбел вместе со всеми, спрятанный – ликовал» [2]. Тем самым писательница показывает, как прежде искренний Эрвин научился лицемерить в проявлении своих чувств, что является еще одним признаком переживаемым этим героем внутренней деградации. Его энергичность сменяется инертностью, ритм жизни превращается в последовательность однообразных действий, доведенных до автоматизма: «словно осечка, случившаяся однажды с Эрвином, потребовав непомерного напряжения, отняла все его силы» [2].

В то же время в раскрытии характера данного героя в рассказе важную роль играет мотив раскаяния. Скитаясь вместе с тестем по Германии после того, как бомбой разрушило их дом, типографию и фабрику, Эрвин все чаще вспоминает своих единомышленников-подпольщиков – Лору, Хеммерлинга, Клауса – и убеждается в справедливости сделанных последними политических прогнозов. Вместе с Шульце он оказывается в разрушенной части города Глогенау. Предприимчивому тестю и в этих условиях удается найти применение своей изобретательности. Получив от Шульце поручение отправить часть его изобретений почтой, Эрвин едет в Гельхаузен. С этого момента композиция данного рассказа приобретает кольцевой характер. Возникает лейтмотив, связанный с установленной много лет назад между Эрвином и Клаусом договоренностью о встрече на почте в Гельхаузене 5 числа каждого месяца в 5 часов вечера. Такие детали, как густой туман и сумерки подчеркивают неопределенность, расплывчатость положения Эрвина, приехавшего в этот город с конкретным заданием тестя, но все же решившего в итоге явиться на услов-

ленное и попытаться дождаться там друга и соратника.

В эпизоде, повествующем о встрече двух друзей, используется прием антитезы: кажущийся огромным в солдатской шинели Клаус противопоставляется маленькому, тщедушному Эрвину. Спасаясь от преследования, Клаус оказался в Советском Союзе, несколько лет прожил в Ленинграде, сошелся с советскими людьми, выучил русский язык и теперь воюет на в рядах Красной Армии. Несмотря на пережитые им опасности, этот герой не отказался от антифашистской борьбы и теперь ведет ее не подпольно, а открыто. Эрвин же изменил своим прежним убеждениям и жестоко корит себя за это. Он искренне надеется избавиться от мучающего его чувства вины после того, как расскажет Клаусу о совершенной им в Наумбурге ошибке – неявке в собор, ведь это признание смогло бы избавить его от нравственных страданий. Однако друг не придает никакого значения многочисленным попыткам Эрвина исповедоваться, но обращает внимание на разительные перемены во внешности последнего. Эрвин кажется ему маленьким и сморщенным, что заставляет его предположить о пережитых Эрвином пытках во время арестов и заключения. Реакция Клауса на опровержение подобных предположений служит для Эрвина дополнительным поводом для внутренних переживаний: «<...> даже если они тебя и не схватили <...>, тебе, верно, выпала очень трудная участь – тебе пришлось полагаться только на самого себя» [2].

Во время этой беседы с Клаусом Эрвин понимает, что для его друга тот случай в Наумбурге был только эпизодом его стремительно мчащейся жизни, он не заметил тогда неявки своего напарника ввиду наличия в соборе шпионов и желания уйти от их преследования. Вследствие этого Клаус не считает своего друга предателем или изменником, однако Эрвину это не приносит облегчения.

Взаимоотношения данных персонажей в контексте общего развития событий в рассказе весьма символичны. Как

мы уже отмечали выше, данному произведению присущ антифашистский пафос. В юности увлечение схожими политическими идеями становится поводом для сначала для сближения, а потом и дружбы Эрвина и Клауса, активного их включения в дело борьбы с утверждающимся в Германии нацизмом. В отличие от своего друга Вагнер на протяжении своей жизни следует своему обещанию, данному в юности: не отречься от дружбы с Эрвином, оставаться верным своим друзьям всегда и везде.

Эрвин же из-за своего страха быть пойманным и арестованным решает отмежеваться от своих друзей и от совместного с ними дела дела. Расставание с Клаусом, вернувшееся Эрвину отправленное другу письмо с признанием подчинены цели окончательно убедить данного персонажа в бесповоротности когда-то принятого им ошибочного решения. Встреча с Клаусом не дает ему желанного облегчения, а напротив усиливает его мучения, поскольку он осознает невозможность получения прощения как от других, так и от самого себя.

С учетом кольцевой композиции рассказа дополнительные смыслы приобретает название произведения. Необходимость явки в собор в Наумбурге для своевременной передачи Клаусу листовок становится для Эрвина камнем преткновения, ему не удается осуществить

это из-за сильного внутреннего сопротивления. Однако спустя несколько лет, лелея в себе надежду на возможное искупление своей вины, Эрвин идет в другое условленное место встречи – почтамт Гельхаузена. Явка туда Клауса подчеркивает верность данного персонажа идеалам дружбы, явка Эрвина – его робкую попытку вернуться в прошлое и попытаться исправить совершенную ошибку.

Лишенный нормальной семьи, друзей, стабильного заработка Эрвин в финале рассказа терпит нравственное поражение, оказывается уничтоженным внутренним судом своей совести. На примере данного персонажа А. Зегерс показывает, как порой кажущиеся незначительными решения могут стать роковыми в жизни человека, способного на глубокую и всестороннюю саморефлексию и чувствующего ответственность за судьбу своей страны. Это, в свою очередь, помимо антифашисткой, усиливает в данном произведении философскую проблематику.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что проблемно-тематическое поле рассказа А. Зегерс «Явка» связано с изображением антифашисткой подпольной борьбы, и философским осмыслением нравственного раскаяния. Эту обуславливает особенности образной системы произведения, основанной на дихотомии «верность идее» - «предательство».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барова А. Г. Художественное своеобразие рассказа А. Зегерс «Прогулка мертвых девушек» // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 55-летию факультета иностранных языков ЕИ КФУ. Елабуга, 2020. С. 34–36.
2. Зегерс А. Явка // А. Зегерс. Седьмой крест. Рассказы. М.: Художественная литература, 1975. URL: https://royallib.com/read/zegers_anna/sedmoy_krest_rasskazi.html#1986560.
3. Красовицкая Ю.В. Бегство и возвращение: осмысление феномена эмиграции в рассказах Анны Зегерс // Вестник МПГУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 3(43). С. 21–28.
4. Леонова Н.С. Черты биографического романа в рассказе А. Зегерс «Встреча в пути» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 1. С.64–68.
5. Мельникова Л.А. Хронотоп в рассказе А. Зегерс «Крисанта» // На пересечении языков и культуры. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. № 3 (27). С. 313–317.

6. Мотылева Т. Л. Анна Зегерс. Личность и творчество. М.: Художественная литература, 1984. 399 с.
7. Русакова А. Повести и рассказы Анны Зегерс // А. Зегерс. Человек и его имя: рассказы и повести. М.: Художественная литература, 1965. С. 5–12.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Barova A. G. Hudozhestvennoe svoeobrazie rasskaza A. Zegers «Progulka mertvyh devushek» // *Sovremennye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki*. IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya 55-letiyu fakul'teta inostrannyh yazykov EI KFU. Elabuga, 2020. S. 34–36.
2. Zegers A. YAyka // A. Zegers. Sed'moj krest. Rassказы. М.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. URL: https://royallib.com/read/zegers_anna/sedmoy_krest_rasskazi.html#1986560.
3. Krasovickaya YU.V. Begstvo i vozvrashchenie: osmyslenie fenomena emigracii v rasskazah Anny Zegers // *Vestnik MPGU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. YAzykovoe obrazovanie*. 2021. № 3(43). S. 21–28.
4. Leonova N.S. Cherty biograficheskogo romana v rasskaze A. Zegers «Vstrecha v puti» // *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2016. № 1. S.64–68.
5. Mel'nikova L.A. Hronotop v rasskaze A. Zegers «Krisanta» // *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya*. 2023. № 3 (27). S. 313–317.
6. Motyleva T. L. Anna Zegers. Lichnost' i tvorchestvo. М.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. 399 s.
7. Rusakova A. Povesti i rassказы Anny Zegers // A. Zegers. CHelovek i ego imya: rassказы i pove-sti. М.: Hudozhestvennaya literatura, 1965. S. 5–12.